

Хроника научной жизни

Международная научная конференция «В.В. Набоков и трансатлантические связи в американской и европейской культуре»

(СПбГУ, 14–16 мая 2021 года)

DOI: 10.53953/08696365_2022_175_3_395

Научная конференция, посвященная трансатлантическим связям европейских и американских литератур, проводится в СПбГУ уже во второй раз. Ее целью является объединение усилий специалистов в области англоязычных и европейских литератур, а также славистов для обмена знаниями о культурных трансферах в таком обширном географическом ареале, как Северная Атлантика. Феномен отчасти наднациональной, трансатлантической культуры складывается в самом начале XX века, когда начинается американская культурная эмиграция, активно развивающая свою деятельность в европейских столицах (Лондон, Париж). Первое поколение американских интеллектуальных эмигрантов, представители «высокого модернизма» и авангарда (Э. Паунд, Т.С. Элиот, Г. Стайн), отправляются в Европу в поисках дальних традиций и метафизических оснований складывающейся в их творчестве радикальной поэтики. В то же время они «заражают» европейцев новыми идеями, создавая литературные сообщества, кружки, салоны и художественные журналы. При этом полученный «европейский» опыт, новые векторы, выработанные совместно с европейцами, часто транслируется обратно в США. Этот процесс захватил не только реформаторов литературы, но и писателей-традиционалистов, которые также нередко совершали трансатлантические рейды. К концу 1930-х трансатлантическая культура идет на убыль, но тем менее запущенные ею импульсы сохраняются и в Европе, и в Америке и проявляются в текстах литераторов более поздних поколений. Программный комитет конференции (А.А. Аствацатуров, Ф.Н. Двинятин, Д. Иоффе, В.В. Фещенко, Ж.Р. Двинятина) поставил перед участниками задачу проследить и описать возможные трансатлантические трансферы американских и европейских литераторов, а также сюжеты, связанные с европейским «элементом» в литературе Америки и американским — в литературах Европы. Если первая конференция, проведенная в 2019 году, в основном затрагивала проблемы американских модернистов и фигур, близких к их кругу, то нынешняя была в большей степени ориентирована на Европу и на те примеры трансатлантического взаимодействия, которые не являются столь очевидными и отрефлекслированными гуманитарным знанием (К. Гамсун, Ф. Пессоа, Т. Манн,

Й. Рот, С. Дубровский, Г. Аполлинер, Э. Ауэрбах, Л. Витгенштейн). Тем не менее американский контекст был одним из самых важных и неустрашимых в данном разговоре и включил в себя таких фигур как Э. Паунд, Т. Драйзер, Ш. Андерсон, Дж.Д. Сэлинджер, Фрэнк О'Хара, Д.Ф. Уоллес и многих других. В центре внимания оказалось и русское поэтическое наследие последних трех десятилетий в контексте его взаимоотношений с американской литературной традицией. Организаторы конференции также не могли оставить без внимания одного из самых интересных и проблемных участников трансатлантического трансфера — Владимира Набокова. Ему было целиком посвящено отдельное заседание, объединившее известных исследователей его творчества.

Первый день конференции был открыт докладом *Дениса Иоффе* (Брюссельский университет, Бельгия) «*Как устроена экономика культуры эпохи модернизма. К вопросу о сравнительном анализе поддержки культурных институций в США и Европе (включая Россию)*». Опираясь на фундаментальный труд Теодора Циолковского, разбиравшего «институции» немецкого романтизма, на исследования представителей так называемой новой критики культуры и экономики (Марк Шелл, Марта Вудманси), а также на идеи, сформулированные российскими гуманитариями (Теодор Гриц, Владимир Тренин, Михаил Никитин) в коллективном сборнике «Словесность и коммерция» (1929), Иоффе сделал попытку определить на американском, европейском и российском сравнительном материале основные узлы модернистской и авангардистской институциональности и ответить на вопросы, что такое экономика модернизма и как она вообще возможна. Отдельный аспект выступления был посвящен темам, связанным с «политикой» модернизма и авангарда.

Следующие три доклада, прочитанные в рамках секции «Трансатлантические контексты литературы США», были посвящены конкретным примерам, ситуациям, когда литература США осуществляла трансатлантический трансфер или обнаруживала в себе следы общего трансатлантического контекста.

Татьяна Венедиктова (МГУ) в докладе «*Рефлексии провинциалов: Чехов ("По делам службы") и Андерсон ("Пробуждение")*» сосредоточилась на сопоставлении двух программных текстов, которое позволило, по мнению исследовательницы, проблематизировать комплекс «провинциализма» в русской и американской культурах. Оба рассказа посвящены «пробуждению» (awakening) — то ли от постылой провинциальной реальности, то ли пробуждению и одновременно возвращению «обратно» и неизбежно в нее. Оба текста, подчеркивалось в докладе, ироничны и представляют описываемую ситуацию в разном освещении. Венедиктова заметила, что на протяжении XIX века русская и американская культуры страдали комплексом провинциализма, что проявлялось в ложном представлении о собственной несравненности и в навязчивом стремлении сравнивать себя с другим. В характерных самокритических ламентациях по поводу недостатка цельности, оригинальности, определенности в культурной жизни нации Венедиктова призвала увидеть двоящийся смысл. С ее точки зрения, подвижное, хаотическое смещение элементов может как тормозить культурное развитие, так и служить для него питательной почвой. Завершая свое выступление, докладчица отметила, что провинциальность одновременно социальная стигма и эстетический ресурс, работа с которым требует новых познавательных навыков и создает новые возможности.

Григорий Кружков (РГГУ, Москва) в докладе «*Роберт Фрост и Англия*» остановился на слабо изученном «английском» эпизоде жизни Роберта Фроста. Годы, проведенные в Англии, как убедительно показал докладчик, стали поворотным пунктом в жизни великого американца. В Англии Фрост нашел единомышленников, познакомился с Эдвардом Томасом, знаменитым британским писателем и поэтом, издал две книги, имевшие успех. В докладе подробно анализировались неко-

торые из самых известных стихов Фроста, написанных в Англии, в частности стихотворения «Березы» и «Другая дорога».

Выступление *Ольги Пановой* (МГУ) «*Теодор Драйзер и Советский Союз: вопросы и загадки*» было посвящено, казалось бы, известному эпизоду американской литературной истории, который многократно обсуждался как в России, так и в США. Однако в нем, как обнаружила докладчица, оказалось немало белых пятен и загадочных сюжетов. В частности, открытым остался вопрос, почему Госиздат так и не выплатил Драйзеру в 1927 году обещанный гонорар — тысячу долларов. Объяснение этому Панова обнаружила в неопубликованных письмах Рут Кеннел к Драйзеру в 1928 году: контракт с Госиздатом был подписан, но издавать первое собрание сочинений Драйзера решили в издательстве «Земля и фабрика», к которому договор не имел отношения. Другие вопросы о связях Драйзера с СССР оказались ничуть не менее интригующими. Как платили Драйзеру гонорары в СССР? Был ли на самом деле плагиат в книге «Драйзер смотрит на Россию»? Почему в СССР решили не издавать ряд книг Драйзера? Анализ мемуаров, переписки писателя, дневников и документов позволил Пановой дать ответы на все эти вопросы.

Работа секции «Литература США: трансатлантические векторы» в основном была сфокусирована на анализе фигур, так или иначе связанных с трансатлантическим модернизмом первой половины XX века. Так, *Ольга Соколова* (Трирский университет, Германия / ИЯз РАН, Москва) в докладе «*Эзра Паунд, вортицизм и трансатлантические векторы политики и семантические сдвиги в художественной практике*» рассмотрела взаимодействие поэтического и политического дискурсов в творчестве Э. Паунда. Докладчица выявила основные языковые приемы, благодаря которым реализовалась идея Паунда о повышении перформативного потенциала поэтического высказывания и эстетизации политического. В выступлении было отмечено, что в основе манифестации глубинных этимологических связей поэзии и политики, значимой для Паунда, была заложена идея новизны как творческого становления (*Make it new*), а также концепция поэзии как перформативного воздействия словом на адресата (*Literature is language charged with meaning*) и на обыденную реальность (*Literature is the pressure of reality, its news that stays news*). В семантическом аспекте, подчеркнула Соколова, постоянная смысловая динамика, выраженная в расширяющейся многозначности текстов, была заложена в концепции вортекса (*vortex*) и в направлении *вортицизм*. Многочисленные сдвиги фокуса, основанные на внутреннем семантическом противоречии между абстрактным и конкретным, первичным и метафорическим, синхронным и диахронным компонентами значения, были обозначены в докладе как «семантический вортекст», который приводит к преодолению границы между художественным и эмпирическим, обновлению поэтического языка и политической реальности.

Анна Швец (МГУ) в докладе «*Вещь в поэтике нью-йоркского имажизма*» продолжила разговор о трансатлантическом авангарде первой половины XX века, рассмотрев творчество группы поэтов, ассоциируемой с малотиражным журналом А. Креймборга «*Others*» (включая Э. Паунда, Э. Лоуэлл, О. Джоунза, А. Креймборга, У.К. Уильямса, С. Каннела). В фокусе внимания докладчицы оказался прием, заметный на материале корпуса публикуемых в журнале стихов: выражение аффективного состояния посредством указания на вещь, предмет быта. Описывая генезис поэтического сообщества журнала и рассматривая стихи в его контексте, докладчица пришла к выводу, что специфика сообщества и структур литературного быта подсказали речевую установку на дружескую, интимную коммуникацию, в рамках которой были оправданы недоговоренность, вынесение смысла в подтекст. Это обстоятельство и обусловило появление нового ключевого приема: использования референции к вещи как носителя переживания.

Ирина Головачева (СПбГУ) в докладе «Пророческое эссе Олдоса Хаксли *“Exile and Literature”* (1930) и трансатлантическая миграция» обратилась к еще одной важнейшей фигуре трансатлантической литературы первой половины XX века, — британцу Олдосу Хаксли. Головачева проанализировала недавно атрибутированное эссе Олдоса Хаксли, напечатанное в журнале «Wings» в 1930 году и содержащее перечень причин массового (нередко сезонного) переселения британских авторов за пределы Великобритании. Рассуждения Хаксли оказались интересны потому, что все названные им разнообразные причины отъезда или долгого отсутствия писателей на родине вошли в комплекс причин его собственного ежегодного и многомесячного проживания во Франции и Италии, но главное — его окончательного переселения в Калифорнию в 1937 году. В сущности, поселившись в Калифорнии, отметила докладчица, Хаксли приобрел все то, что приводил в качестве причин «добровольного изгнания английских литераторов»: солнце, сухой климат, приятный пейзаж, деньги. Однако в докладе была указана еще одна причина — возможность, как полагал Хаксли, плодотворно участвовать в пацифистском движении. Интеллектуальный климат Америки в этом смысле тоже оказался для Хаксли благоприятным.

Работу секции завершил доклад Андрея Аствацатурова (СПбГУ) «Сэлинджер и *“Откровенные рассказы странника”*», который был посвящен анализу влияния исихазма на проблематику повестей Сэлинджера «Фрэнни» и «Зуи». Докладчик предложил прочтение знаменитого исихастского текста «Откровенные рассказы странника духовному своему отцу» сквозь призму повестей Сэлинджера и одновременно предъявил его как возможный ключ к этим повестям. Вместе с тем докладчик отметил, что Сэлинджер в своих текстах иронически обыграл исихастскую проблематику, показав превратности неверного прочтения Иисусовой молитвы, которую в одноименной повести продемонстрировала его героиня Фрэнни. Обнаружив ее ошибку, Сэлинджер, как отметил докладчик, тем не менее заново переутвердил идеал исихазма, соединив его с принципами теистического экзистенциализма С. Кьеркегора.

В рамках секции «Языковое письмо: русско-американские и американо-русские культурные переносы» были прочитаны доклады, затрагивающие проблемы языкового письма, связанные с американской и русской модернистской традицией. Так, Владимир Феценко (Трирский университет, Германия / ИЯЗ РАН, Москва) в выступлении на тему «В поисках поэтической функции: американское языковое письмо в русском контексте» обратил внимание на точки расхождений и совпадений в американском и русском лингво-ориентированном литературном письме. Лингвистические концепции русского футуризма («слово как таковое», «языководство» и т.д.) и русского символизма («поэзия языка» А. Белого) через теорию русского формализма проникли в теории и практики «языковой поэзии» 1970-х годов. Доклад был посвящен тому, как именно произошел этот культурный перенос. Кроме того, Феценко сопоставил связанные с языком концепции в теории и практике российских концептуалистов и метареалистов, с одной стороны, и концептуальное лингвоцентричное письмо в американской поэзии (Ч. Бернстина, Л. Хеджинян и др.) — с другой. Эти литературные движения, как утверждал докладчик, явились частью общего лингвистического поворота, который проявился в поэтической теории и эксперименте на нескольких этапах XX века.

Анна Родионова (НИУ ВШЭ, Москва) в докладе «Ника Скандиака и американская экспериментальная поэзия XX века» проанализировала способы высказывания русского поэта, живущего в Британии, Ники Скандиаки, языковую игру, связанную с метафизическими поисками, соотнеся ее с открытиями американской экспериментальной поэзии XX века, в частности представителей language school.

Проблему влияния language school на современную русскую литературу затронул в своем докладе «*Диалог language school и метареализма (на примере поэм “Sun” Майкла Палмера и “Нефть” Алексея Парщикова)*» Алексей Масалов (РГГУ, Москва). Отталкиваясь от замечания Марджори Перлофф, указавшей на различие подходов Палмера и Парщикова к поэтическому языку, докладчик отметил, что сходство и различие подходов Палмера и Парщикова аналогично сходству и различию Шарля Бодлера и Артюра Рембо, когда оба используют мифопозитивку плавления как смерти. Но если первый включает ее в контекст критики товарного фетишизма и подрывной силы аллегории (по Беньямину), то второй — в контекст «ясновидения» и наблюдения «черных и холодных» вод капиталистической Европы. Так и поэма «Нефть» Парщикова, отметил Масалов, оказывается близка поэме «Sun» Палмера — как в изображении мира в застывшей катастрофе, в распаде языка, так и в политическом измерении.

В отличие от своих коллег Ян Пробштейн (Колледж Туро, США) в докладе «*Влияние европейского и русского авангарда и модернизма на нью-йоркскую школу поэзии*» продемонстрировал обратный маршрут трансатлантического движения. Основное внимание докладчик уделил творчеству поэтов первого поколения нью-йоркской школы поэзии: Джону Эшбери, Кеннету Коху, Фрэнку О’Харе и Джеймсу Скайлеру. Эти поэты, по замечанию Пробштейна, в своих ранних опытах отталкивались от поэзии авангарда предыдущего поколения, в особенности Аполлинера, кубистов, сюрреалистов, но затем каждый из первоначальной четверки выработал свою неповторимую манеру письма. Джон Эшбери, как было отмечено в докладе, использовал в названии своей дебютной книги «Некоторые деревья» аллюзию на Пастернака, а Фрэнк О’Хара работал с аллюзиями на тексты В. Маяковского, В. Шкловского и В. Хлебникова. Работа секции завершилась беседой Чарльза Бернстина (Университет Пенсильвании, США) и Яна Пробштейна, обсуждивших проблемы поэтики авангарда и характер развития трансатлантических связей в авангардной поэзии XX века.

Первый день конференции закончился часовой лекцией Марджори Перлофф (Стенфордский университет, США) «*Слово как таковое: от Хлебникова до современного американского авангарда*», которая представила широкую панораму траекторий западных авангардных движений в XX веке в их корреспонденциях с русским авангардом и концепцией «слова как такового». После обзора авангардных движений в первой части выступления докладчица обратилась к примерам из «языковой поэзии» как неоавангардного течения в американской литературе 1970—1980-х годов. Были изложены основные принципы «языкового движения» и было показано, как оно развивалось за последние двадцать лет. Языковая поэтика, тесно связанная с французской постструктуралистской эстетикой и марксистской идеологией, постепенно ассимилировалась в мейнстрим, а ее стилистические особенности были поглощены более традиционными формами, по мнению Перлофф. Наконец, в последней части доклада было представлено поэтическое творчество бразильских конкретистов братьев Де Кампос, использующих в своих текстах и перформансах наследие русского авангарда (в частности, Родченко и Малевича).

Второй день конференции, посвященный европейской литературе в трансатлантическом контексте, открыл доклад Елены Пенской (НИУ ВШЭ, Москва) «*“Америка” в творческой практике Вс. Некрасова и его круга: вибрации концепта*». Доклад отталкивался от рефлексии Эрика Булатова, художника и одного из ближайших друзей Вс. Некрасова, над тридцатилетним опытом взаимодействия с американским арт-рынком. Согласно Булатову, и для него, и для Вс. Некрасова Америка является частью трансгрессивной практики. В докладе была предпринята

попытка описать эту практику как систему, в которую входит, во-первых, «классификация впечатлений»: мемуарные фрагменты, зафиксированные в интервью и публицистических текстах Вс. Некрасова (об американских фильмах, военных и послевоенных, спектаклях, джазе, о гуманитарной помощи, вкусовых ощущениях, связанных с американскими посылками, о культурных событиях и пр.). Во-вторых, эта система отсылает к поэтической и политической экспертизе, выраженной, например, в сопоставлении культурных и литературных функций Джека Мэтлока, вице-консула, посла США в СССР, лианозовца «энного призыва» по Вс. Некрасову, и Джеральда Янчека, исследователя, переводчика, составившего сборник «100 стихотворений Вс. Некрасова». Докладчица пришла к выводу о том, что опыт языковой трансгрессии формулируется Вс. Некрасовым в обсуждении сюжетов и фигур, олицетворяющих для него концепт Америки.

Ирина Лагутина (НИУ ВШЭ, Москва) в докладе «*“Мимесис” Эриха Ауэрбаха и американская историография: случай Хейдена Уайта*» обратилась к исследованию влияния методологии сравнительного изучения литератур Э. Ауэрбаха на формирование американской историографии, в частности теории исторического нарратива Х. Уайта. Американский историк, который неоднократно ссылаясь на немецкого литературоведа, называл его «Мимесис» моделью «современного историзма». Для выявления методологического влияния докладчица провела сопоставительный анализ концептуальных для обоих ученых понятий, таких как «*dargestellte Wirklichkeit / representation of reality*», «фигура», «эстетический историзм» и др.

Следующие три доклада были посвящены проблеме репрезентации Старого Света в творчестве европейских писателей конца XIX — первой трети XX века. *Андрей Юрьев* (РГИСИ, Санкт-Петербург) в докладе «*Кнут Гамсун и Америка*» размышляет о динамике отношений норвежского писателя с американской культурой. «О духовной жизни современной Америки» (1889) — одна из первых книг Гамсуна, принесших ему широкую известность в Скандинавии, а вскоре и за ее пределами. Основываясь на собственном опыте жизни в Штатах (1882—1884, 1886—1888), писатель подверг резкой критике идеализированные представления соотечественников о Новом Свете. Докладчик подчеркнул, что не всегда обращается внимание на то, что Гамсун, иронизируя над американской демократией, литературой, искусством или господствующей в обществе аксиологией, дал косвенную критику тех черт норвежского менталитета, которые роднят его с американским (провинциализм и безусловное доверие к религиозным авторитетам). Со временем Гамсун пересмотрит свое тотальное отрицание американской культуры, признает значимость творчества ряда американских писателей XX века, но его отношение к американскому капитализму в целом останется неизменным.

Проблематизации отношений с Новым Светом был посвящен следующий доклад — *Алексея Жеребина* (РГПУ, Санкт-Петербург) «*Антиамериканская утопия Йозефа Рота*». В романе Й. Рота «Иов» (1930) повествуется о жизни русского еврея Менделя Зингера. После эмиграции в Америку он переживает судьбу библейского страдальца — жестокие испытания веры и на самом краю отчаяния чудесное спасение. На этом материале докладчик ставит вопрос о конфликте социальности и культуры, которые не только взаимообусловлены, но и развиваются в резком противоречии друг с другом. Герой Рота — носитель еврейской идеи сопротивления социуму — остается на стороне культуры. Он проходит разрушительное испытание Америкой, и только заложенная в основу романа мифологическая модель Иова обеспечивает счастливый конец — торжество религиозно-эстетической утопии.

Проблема национального кода была затронута в докладе *Алексея Вольского* (РГПУ, Санкт-Петербург) «*“Американский код” в новеллах Т. Манна “Тонио Крёгер”*»

и «Обманутая»». В интеллектуальной прозе Томаса Манна важную смысловую роль играет национальная идентичность персонажей. Принадлежность к той или иной нации у Манна всегда символична и является своеобразным художественным кодом. Значение национального символа раскрывается в поле напряжения между природой и духом, дуализм которых определяет, по Манну, специфику как всей немецкой культуры, так и его собственный художественный мир. Особое место в его творчестве занимает «американский код». В докладе была проанализирована смысловая эволюция американского кода от ранней новеллы «Тонио Крёгер» до последней новеллы «Обманутая».

Лариса Муравьева (СПбГУ) в докладе «Американские истоки французского автофикшна» обращается к возникновению концепта «автофикшн» и сравнивает «автобиографические» теории С. Дубровского и Р. Федермана. Несмотря на то что автофикшн на протяжении долгого времени рассматривается как исключительно французский жанр, возникновение теоретической дискуссии вокруг автофикшональных повествований принадлежит не только французскому полю. Первый роман, по отношению к которому был введен неологизм «автофикшн», был написан в трансатлантическом режиме: французский писатель еврейского происхождения Серж Дубровский создавал свою экспериментальную автобиографию «Fils» с 1970-го по 1976 год между Парижем и Нью-Йорком. Будучи преподавателем французской литературы в Нью-Йоркском университете, отец автофикшна привнес в свою поэтику часть тех проблем, которые широко обсуждались в 1970-е годы в кругах американской литературной теории — в частности, из области теории вымысла. Параллельно опытам Дубровского в США к переосмыслению границ традиционной автобиографии обращается франко-американский писатель еврейского происхождения Реймон Федерман, в чьем манифесте «Surfiction» (1973) рефлексировались границы реальности и вымысла и ставится под вопрос возможность репрезентации автобиографического опыта. Анализируя автокритические теории С. Дубровского и Р. Федермана, докладчица показывает, что на заре своего появления автофикшн существовал как распределенный между двумя континентами проект, связанный не столько с трансформацией автобиографического жанра, сколько с литературной рефлексией травмы через особую концепцию вымысла.

Франко-американскую проблематику развивает Анастасия Петрова (СПбГУ) в докладе «Гийом Аполлинер и Солт-Лейк-Сити: откуда во французском романе XX века американцы?». Роман Г. Аполлинера «Сидящая женщина» («La femme assise»), опубликованный посмертно в 1920 году, имеет подзаголовок «Хроники Франции и Америки». Аполлинер решает поговорить о США, где никогда не был, по трем причинам: во-первых, большую часть жизни лишенный гражданства Аполлинер представлял себя гражданином мира и часто описывал в текстах людей самых разных национальностей, что можно рассматривать как его творческий прием, с помощью которого он строил свой «Вавилон», универсальную вселенную. Во-вторых, Солт-Лейк-Сити рассматривался как повод поговорить о многоженстве и любви в разных ее проявлениях. В-третьих, Америка для Аполлинера олицетворяет то самое «новое сознание» и прогресс, о котором он написал трактат «Новое сознание и поэты» (1918).

К истории латиноамерикано-советских контактов обратилась Виктория Попова (ИМЛИ РАН, Москва) в докладе «Париж — Мадрид — Москва: из истории творческих поисков Сесара Вальехо в Старом Свете». Перуанский поэт, писатель, общественный деятель Сесар Вальехо большую часть жизни провел в эмиграции — во Франции и Испании, но на рубеже 1920—1930-х годов начал активное сотрудничество с СССР и посетил Россию в 1928, 1929 и 1931 годах. Итоги этих поездок воплотились в репортажах, письмах, двух книгах об СССР («Россия, 1931.

Размышления у стен Кремля» и «Россия перед вторым пятилетним планом»), эссе и пьесах. В докладе была реконструирована история переписки Вальехо, вернувшегося из СССР в 1931 году, с советским литературным функционером, членом Международного объединения революционных писателей, испанистом Ф.В. Кельиным, раскрыты мотивы перуанского писателя вернуться в Советский Союз и выявлены причины молчания его московского корреспондента. После 1935 года, как показывает докладчица, Вальехо не поддерживал общения с СССР, однако изучение его советской переписки может дополнить, углубить и расширить исследование творчества С. Вальехо и издательской судьбы его произведений в России.

Историю португало-американских поэтических контактов прослеживает *Ирина Хохлова* (СПбГУ) в докладе «*Фернандо Пессоа и Уолт Уитмен*». Фернандо Пессоа вошел в историю мировой поэзии как автор уникального эксперимента — создания гетеронимной поэтики, основанной на деперсонализации и интеллектуализации. Пессоа создает поэтов-гетеронимов — таких лирических героев, которые обладают полной независимостью от автора и от своего имени общаются с миром. Пытаясь моделировать творческий процесс, Пессоа обращается к поэзии Уолта Уитмена и наделяет своих гетеронимов — певца современности Алваро де Кампуша и буколического поэта Алберто Каэйро — космическим ощущением реальности, заимствованным от Уитмена. Свобода выражения эмоций и мысли, максимальная полнота ощущений характерны для чувства жизни Уолта Уитмена. Пессоа делает своего лирического героя носителем уитменовской идеи взаимосвязи всего существующего в Универсуме и желания постичь эту связь, приобщиться к ней. В докладе были проанализированы поэма «Триумфальная ода» Алваро де Кампуша, уитменовская по своему сценарию, обилию образов и по способу их сцепления, и поэма «Приветствие Уолту Уитмену», в которой португальский поэт идентифицирует себя с Уитменом, однако попытка их сближения не спасает Пессоа от самого себя, пронизанного трагическим ощущением жизни.

В совместном докладе *Лилии Хабибуллиной* и *Зульфий Зиннатуллиной* (КГУ, Казань) «*Гендерная пара англичанин — американка в английской литературе XX века*» была рассмотрена репрезентация национальных отношений через гендерные пары. Гендерная символизация национального — это хорошо известное явление, которое может проявляться в символической репрезентации нации в виде женской или мужской фигуры. В частности, Великобритания, претерпев различные этапы, постепенно приобретает маскулинные очертания. Традиционно изображение экзогамной гендерной пары несет характер национальной символизации. В докладе было показано, как пара англичанин — американка частотно проявляется в литературе рубежа XIX—XX веков (О. Уайльд, Дж. Голсуорси, Н. Кауард) и сохраняет свою актуальность в литературе 1960—1970-х годов (Э. Берджесс, Д. Лодж, Д. Фаулз). Такая пара в английском романе чаще всего реализует концепцию национального партнерства.

В докладе *Ольги Анцыферовой* (СПбГУ) «*О европейских интермедийных версиях “Американской трагедии” Теодора Драйзера*» прослеживается история инсценировок, экранизаций и киноадаптаций романа Драйзера и авторские отзывы на прижизненные адаптации «Американской трагедии». Нереализованный сценарий С. Эйзенштейна, одобренный автором, был отклонен Голливудом, но в последующих киноверсиях использовались отдельные художественные решения советского режиссера. Фильм Д. фон Штернберга, элиминировавшего социологические мотивы, был неодобрительно встречен автором, проигравшим судебный процесс. Послевоенная киноадаптация Д. Стивенса «Место под солнцем», перенесшая действие романа в более свободное от классовой стратификации начало 1950-х, стала трагической историей о любви и о желании героя раствориться в фан-

тазмах, навязываемых индивидууму обществом через массовую культуру. Именно «Месту под солнцем» суждено было стать культовым фильмом как среди европейских киноинтеллектуалов (Ж.-Л. Годар), так и для массового кинозрителя, воплощение которого можно видеть в главном герое романа С. Эриксона «Зеро-вилль» и одноименного фильма Дж. Франко. В конце доклада было высказано наблюдение о том, что появление «европейской трилогии» Вуди Аллена начала 2000-х — «Match Point» (2005), «Scoop» (2006) и «Cassandra's Dream» (2007) — приходится на столетнюю годовщину случая Джиллет-Браун (2006), послужившего Драйзеру документальной основой романа. Данное совпадение было отмечено докладчицей как неслучайное, несмотря на то что Вуди Аллен, снимавший «Match Point» в Англии (первоначальное название фильма — «American Story»), не причисляет «Американскую трагедию» к своим источникам.

В докладе «*“Книги делаются из книг”: европейские литературные источники романа К. Маккарти “Кровавый меридиан”*» Ксения Выхрова (СПбГУ) обратилась к поиску связей романа Маккарти с европейской литературной традицией. Подчеркивая творческую преемственность своих произведений в интервью, Маккарти отказывается давать комментарии относительно используемых источников. Вместе с тем его примечания к рукописным и печатным черновикам изобилуют названиями, цитатами и отсылками. Докладчица показала, что на «Кровавый меридиан» значительное влияние оказал художественно-образный ряд и батальные коды «Беовульфа»: жестокий мир поэмы выступает как аналогия темнейших закоулков сознания. Описания глав напрямую отсылают к дантовскому «Аду»: юго-западные американские территории в романе — «terra damnata» («проклятая земля») — представляют собой ад на земле, а персонажи осуществляют катабасис, который в христианской перспективе представляет собой путешествие в один конец без шанса на спасение. Кроме того, на протяжении всего произведения последовательно воспроизводится инвертированный эпизод из поэмы «Искушение святого Антония» Г. Флобера, в котором святой встречается с группой еретиков, мыслителей, философов, мудрецов, мучеников, грешников и праведников. Однако на месте Антония у Маккарти оказываются бандиты. Наконец, оставленная в черновиках ссылка на второй эпилог к роману-эпопее «Война и мир» Л.Н. Толстого проясняет авторские размышления о проблеме свободы и преддетерминированности: выход из парадокса слияния субъекта и объекта осуществляется через обращение к «tertium quid» — идее мистического опыта.

Следующие два выступления были посвящены философским интерпретациям романа Д.Ф. Уоллеса «Бесконечная шутка». Михаил Аршинов (СПбГУ) в докладе «*Попытка прорыва к этическому: роман Д.Ф. Уоллеса “Бесконечная шутка” как пример кьеркегорской борьбы за действительность*» поставил перед собой задачу проинтерпретировать роман в качестве последовательного литературно-художественного выражения отрицательной стороны философии С. Кьеркегора. В первой части доклада было проведено расширение ключевого для Кьеркегора понятия эстетического, с тем чтобы дать определение экзистенциальной сферы фикционального мира. Затем было показано, как в романе «Бесконечная шутка» происходит надрыв этой экзистенциальной сферы через трансцендентальные художественные образы. Такие образы нарушают герметичность романного мира, отрицают читательские ожидания, связанные с возможным завершением духовного пути героя, и провоцируют читателя сделать объектом рефлексии литературный опыт в целом как способ самоопределения экзистенции в отношении своей действительности. Иной подход к интерпретации романа предложила Екатерина Салмина (СПбГУ) в докладе «*“Бесконечная шутка” Дэвида Фостера Уоллеса и философия Людвиг Витгенштейна*». Несмотря на то что аналитическая философия Витгенштейна

оказала большое влияние на творчество Уоллеса, большинство исследователей обнаруживают связь аналитической философии преимущественно с первым и последним романами Уоллеса, обходя стороной его монументальный труд — «Бесконечную шутку». Однако, как показывает докладчица, одной из важнейших проблем как творчества Уоллеса в целом, так и «Бесконечной шутки» в частности является этический опыт, которому Уоллес придает большое значение в противовес установкам литературы постмодернизма. Невозможность выражения этического опыта и поражение языка перед подлинными переживаниями пронизывают весь роман и определяют судьбы главных героев. Чтение «Бесконечной шутки» сквозь призму философских концепций Витгенштейна позволяет пролить свет не только на поступки и поведение персонажей, но и на всю этическую составляющую романа, положившую начало новой литературе и движению «новая искренность».

В завершающем докладе второго дня конференции, «*Элементы европейской и американской культуры в романе Донны Тартт “Щегол”*», Василиса Прохорова (СПбГУ) предприняла попытку проследить связь романа с теорией Ж. Бодрийера о симулякрах и гиперреальности. Докладчица показывает, что Тартт создает локации в своих романах в соответствии со стереотипами о них в массовой культуре, гипертрофируя эти стереотипы на уровне символики и мотивного комплекса, в результате чего появляется гиперреальный образ городского пространства. Так, Нью-Йорк становится пространством перехода профанного мира в лиминальный с помощью интермедиальных маркеров, отсылающих читателей к живописи Северного Возрождения, роману Дж.Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи», повести В. Ирвинга «Рип Ван Винкль» и ряду других произведений, в которых основой сюжета оказывается обряд инициации. Подобным образом в «Щегле» представлены репрезентации Лас-Вегаса и Амстердама.

Третий день конференции, целиком посвященный творчеству Владимира Набокова в трансатлантическом контексте и проходивший в музее В.В. Набокова СПбГУ (ул. Б. Морская, 47), открыл доклад *Вольфа Шмида* (Гамбургский университет, Германия) «*Как Набоков переплывает Шкловского*». Докладчик обращается к раннему рассказу Сирина «Путеводитель по Берлину», рассматривает его в качестве вызова Шкловскому и изучает обнаженный в тексте прием палиндрома (дословно «ход туда и обратно»). В пяти виньетках рассказа структура палиндрома реализуется на различных уровнях. Хотя Набоков считал некоторые черты формализма отвратительными, Сирин в небольшом рассказе не только употребил прием остранения, но и «перещеголял» Шкловского палиндромообразным «взглядом на чье-то будущее воспоминание».

Доклад *Дмитрия Токарева* (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург / ИРЛИ РАН / СПбГУ) «*Мотив перехода (через границу): “Подвиг” Владимира Набокова и “Возобновленная тоска” Бориса Вильде*» был посвящен интертекстуальным связям между романом Набокова и повестью Бориса Вильде (Дикога). Опубликованная в июне и июле 1931 года в газете «Руль», «Возобновленная тоска», с одной стороны, отсылает к первым главам «Подвига», публикация которого началась в январе того же года в «Современных записках», с другой — связана с личным опытом Вильде, перешедшего в октябре 1927 года советско-эстонскую границу. Заимствуя важный для Набокова мотив перехода через границу (а также приписывая некоторые черты писателя своим собственным персонажам), Вильде тем не менее трактует его по-своему: если для самого Вильде реальный переход был экзистенциальным подвигом, сродни подвигу Мартына Эдельвейса (и здесь можно предположить, что Набоков был осведомлен об этой истории), то в повести он нарративизируется поначалу за счет включения его в любовный контекст, а затем за счет его идеологизации (главный герой Игорь Олоньев пытается перейти границу во второй раз,

чтобы обрести утраченную родину и/или утраченную первую возлюбленную Наталью, из горничных превратившуюся в чекистку и председателя колхоза). Также в докладе делается предположение, что мотив спрятанных семейных драгоценностей (ради них Олоньев первый раз переходит границу) может быть связан с реальной историей, действующими лицами которой были Александр Кожевников (в будущем французский неогегельянец, получивший известность под фамилией Кожев) и его друг Георг Витт, вернувшийся в 1920 году в Москву из Германии с целью вывезти драгоценности семьи Кожева. В 1926 году Витт женился на известной киноактрисе Лиль Даговер, ставшей, по-видимому, прототипом актрисы Милы Дени, ради которой Олоньев и совершает свой первый «подвиг». Подтверждением обнаруженных параллелей может служить тот факт, что Витт и Кожев могли пересекаться в Берлине как с Набоковым, так и с Вильде.

В следующем докладе, *Александра Большева* (СПбГУ) «*Повесть Р. Стивенсона “Странная история доктора Джекила и мистера Хайда” в интерпретации В. Набокова*», шла речь о некоторых особенностях экзистенциальной проблематики автора «Лолиты», которые могут быть выявлены через обращение к набоковскому прочтению стивенсовской повести. Набоков обращает внимание на избыточную «лакированность» публичного позиционирования Джекила: этот человек, будучи подвержен некоторым «безобидным», по его словам, недостаткам, возжаждал предстать перед окружающими идеальным джентльменом. Погубившее викторианского доктора стремление выглядеть абсолютным совершенством странным образом напоминает настойчивое творческое редактирование собственной биографии, которым занимался Набоков. Еще один стивенсоновский мотив, педалируемый Набоковым, связан с ситуацией утраты демиургического контроля: в его интерпретации речь идет о бунте эмансипированного творения против воли творца-демиурга. Подобного рода ситуация носит инвариантный характер и в набоковских текстах.

Нина Щербак (СПбГУ) в докладе «*Полилингвальность и трансдискурсивные практики в творчестве В. Набокова (на примере романа “Ада” (“Ada or Ardour: A Family Chronicle”))*» обращается к особенностям символического языка и нарратива набоковской «Ады». В романе постмодернистского стиля сочетаются ветхозаветные мотивы, аллюзии на произведения Шатобриана, Льва Толстого и Пруста, а само произведение строится как метафора памяти. Роман написан по-английски, но включает в себя большое количество французских, латинских выражений, некоторое количество транслитерированных русских слов. Докладчица подчеркивает, что Набоков воссоздает глубокий пласт европейской культуры, отсылая к известным именам, при этом «флуидность» смысла и принцип «перевертня» позволяют создать лексически насыщенное, гибридное повествование.

В совместном докладе *Андрея Жукова* (СПбГУ) и *Рафаэля Феррейры Бэсса* (Университет Пара, Бразилия) «*Образ рассказчика у Владимира Набокова и у Машаду де Ассиза: сопоставительный аспект*» был проведен анализ стилистических особенностей прозы В. Набокова и М. де Ассиза с опорой на понятие «ненадежного рассказчика» У. Бута. В произведениях обоих авторов создано множество рассказчиков-героев, как действующих, так и тех, которые играют только риторическую роль, что способно запутать или обмануть читателя. Невыраженное — одно из средств авторской манеры, присутствующей у обоих писателей, которых можно считать примерами представлений о невысказанном. Именно в невысказанном осуществляется двусмысленность и ирония, типичные как для Набокова, так и для Ассиза. Помимо «ненадежного нарратора», в докладе было использовано понятие «этоса» (Р. Амossi и Д. Менгено), необходимое для анализа частных примеров из рассматриваемых текстов. Докладчики продемонстрировали, что функционирование «невывраженного» создает характеристику «ненадежного рассказ-

чика», способствуя дискурсивному пониманию героев в рамках стилистических и эстетических элементов произведений В. Набокова и М. де Ассиза.

Следующая параллель была проанализирована *Аллой Степановой* (СПбГУ) в докладе «*Чехов и Набоков: повествовательные стратегии*», в котором «Возвращение Чорба» Набокова было проинтерпретировано в сопоставлении с чеховским рассказом «Ионыч». По мнению докладчицы, в своем рассказе Набоков прибегает к нарративным приемам, хорошо известным по поздней прозе Чехова. Принято считать, что в рассказе Набокова духовно богатый мир главного героя противопоставлен мещанскому миру супругов Келлер, однако противостояние двух миров в рассказе слишком условно, не имеет фактического наполнения и потому обычно трактуется исследователями с опорой на литературные клише. В докладе было показано отличие «открытых финалов» Чехова, связанных с «прозрением» главного героя, и финала «Возвращения Чорба», не содержащего в себе открытия как такового.

Николай Карпов (СПбГУ) посвятил свой доклад «*Набоков и сентиментализм: наброски к теме*» проблеме, практически не затронутой набоковедением. Докладчик отметил, что понятие «сентиментализм» получает в мире писателя, не признававшего общепринятого понимания литературного процесса как борьбы и смены литературных направлений и школ, скорее психологическую трактовку, по факту подменяясь «сентиментальностью». Именно поэтому, подчеркнул докладчик, авторские претензии к сентиментализму носят даже не столько эстетический, сколько психологический характер. Однако гипертрофированная сентиментальность, порой доходящая до безвкусицы, — это именно тот упрек, который критика нередко адресовала самому Набокову-Сирину, характеризуя стилистику и интонацию его произведений. Сентиментальная чувствительность, как свидетельствует, в частности, материал писем, отличала и самого Набокова. Карпов высказал предположение, что, признавая эти качества некоей слабостью, Набоков спроецировал собственные переживания вовне, что и отразилось в его столь резких декларациях.

Иной ракурс рассмотрения набоковских текстов предложили в совместном докладе «*Визуализация и интерпретация максимальных аттрактивных связей маркем в текстах В.В. Набокова (на примере романа В.В. Набокова “Машенька”)*» *Алексей Кретов* и *Жанна Грачева* (ВГУ, Воронеж). На материале первого романа Набокова они провели квантитативный маркемный анализ с помощью полученных компьютерной программой (ПроТемаЛ) количественных данных, а также анализ лемматизации слов в автоматическом режиме с помощью программы ADD-2. На основе ИнТема и дистрибутивного анализа докладчики выделили 50 маркем романа В. В. Набокова «Машенька», учитывая при этом контекстуальные значения и ассоциативные коннотации слов. Для проведения маркемно-семантического анализа с помощью программы «Const_2018_v3» авторы доклада выявили аттрактивность маркем (их способность «притягивать» друг друга в тексте) и создали таблицу аттрактивных пар, на основе которой был выстроен граф, визуализирующий аттрактивные связи маркем в романе «Машенька» с помощью сортировки маркем в порядке убывания значений КоКона. На основе графа был сделан вывод о существовании в романе двух смысловых центров: «Прохлада», который ассоциативно отсылает к ощущению «прохладной дымки» происходящего, и «Снег», соотносящийся со временем «снежного» петербургского периода любви и с Россией.

Следующий аспект творчества Набокова был представлен в совместном докладе «*Стихотворная просодия В.В. Набокова и ритм прозы*», подготовленном сразу тремя участниками: *Евгением Казарцевым* (НИУ ВШЭ, Москва), *Дианой Долженко* и *Николаем Емельяновым* (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург). Докладчики посвятили свое выступление анализу эволюции ритмического облика ямбов В.В. Набокова и влияния стихотворного ритма на его прозу. В результате исследования стихопо-

добных фрагментов прозы в сравнении с реальным стихом докладчиками были отмечены изменения в проявлении собственно стихотворных тенденций в ямбах Набокова, выявлены процессы постепенной прозаизации стихотворного ритма и их отражение в прозе поэта. Постепенно, как обнаружили исследователи, ритм стиха и ритм прозы «уподобляются», однако со смещением в сторону прозы. В докладе было продемонстрировано, что уже в зрелых сочинениях просодический облик романов Набокова, в отличие от классических образцов прозы поэта, практически не зависел от стиха, связь с ритмикой стиха оборвалась около 1930 года. В дальнейшем образцы стихоподобных фрагментов русскоязычной прозы Набокова, по убеждению докладчиков, практически повторяют ритмический профиль, который предсказывает вероятностная модель.

В следующих трех докладах фигура Владимира Набокова обсуждалась именно в контексте трансатлантической проблематики. В частности, Федор Двинятин (СПбГУ) в своем сообщении «*Борхес, желтизна, призрачный Набоков*» напомнил о полемической мистификации, имевшей определенный резонанс в 1980-е и 1990-е годы: в аргентинском «*Cabildo*» было опубликовано «письмо читателя», содержащее утверждения о поддельности творчества Х.Л. Борхеса и самой его фигуры. По заявлению автора письма, Борхеса выдумал более полувека назад Леопольдо Марешаль, а в дальнейшем в «пул» его авторов входили в разные годы Фермин Эстелла Гутьеррес, Эрнесто Паласио, Федерико Гарсиа Санчис, Манучо Мухика Лайнес, Адольфо Биой Касарес и другие. В конце концов «Борхес» стал проектом аргентинских либералов, их ставкой на роль великого национального автора. Роль Борхеса играл уругвайский артист Achilles Scatamacchia, иногда позволявший себе пошлые импровизации. Самое забавное, по мнению докладчика, во всей этой истории — псевдоним автора письма: Dan Yellow. Автором был редактор литературного отдела «Кабильдо» Аннибаль д'Анджело Родригес, так что происхождение псевдонима прозрачно: d'Angelo — Dan Giallo — Dan Yellow, но это не отменяет совпадения с именем автора будущих «желтых романов» о тайнах и разоблачениях. Докладчик остановился на возможных параллелях и антипараллелях этой истории с творчеством и репутацией Набокова, отметив, в частности, такое отличие: Борхес был органическим порождением и продолжением особой аргентинской культуры интеллектуальной, игровой и эстетской прозы, так что придумать «подлинных авторов» его текстов при желании несложно, а Набоков практически не вырос из каких-то сложившихся форм письма в русской литературе, и для него подобную фантазию сконструировать бы было существенно сложнее.

Еще один трансатлантический сюжет, связанный с фигурой Владимира Набокова, был представлен Анастасией Дроздовой (ТюмГУ) в докладе «*“Сон во сне” как модель трансатлантического перехода в прозе Набокова французского периода*». В конце 1930-х годов, перед языковым и культурным переходом, В. Набоков, как было отмечено в докладе, активно осмыслил свою литературную генеалогию, используя в творчестве аллюзии на американских классиков (Э. По, Г. Джеймс), которые вводились им через «сновидческие» мотивы. Докладчица обратила внимание на то, что в творчестве Набокова, как и в текстах американских писателей, перемещение героя между разными уровнями реальности в конечном счете приводит к потере героем возлюбленной и/или ребенка, контроля над собственным вымыслом. Трансгрессия в мире снов у американских писателей, и у Набокова, отметила Дроздова, связана: 1) с образом гробницы, клетки, саркофага; непроницаемой точкой зрения собеседника; 2) изменением восприятия; 3) трансформацией языка (заумь, молчание).

Работу набоковской секции завершил доклад Любови Каракуц-Бородиной (СПбГУ) «*Итальянский Набоков: биографические мосты и текстовые амальгамы*», который был посвящен связям творчества Владимира Набокова с итальян-

ским языком и культурой. Докладчица отметила, что при ближайшем рассмотрении эти связи выглядят теснее, чем могло бы показаться на первый взгляд. Биографически Италия оказывается землей обетованной для Набокова: сюда, как и высмеянный им за это же Гоголь, он настойчиво стремился почти всю жизнь; здесь у него родился целый ряд творческих замыслов. Наряду с другими итальянскими претекстами произведений писателя (*commedia dell'arte*, живопись позднего Возрождения) в докладе был рассмотрен кольцующий набоковское творчество сонет Петрарки «*Se lamentar augelli, o verdi fronde*»: первый переводческий опыт Набокова, который и определил ключевую тему автора — общение с потусторонним миром — и получил мотивное отражение в последнем, незавершенном романе «Лаура и ее оригинал». Итальянского языка Владимир Набоков не знал, но итальянские инкрустации, по мнению докладчицы, несут в его романах не только эстетическую, но и идеологическую нагрузку. В докладе подверглась оценке также рецепция фигуры Набокова в Италии. Обратившись к корпусу интервью, докладчица пришла к выводу, что в целом она оказалась преимущественно положительной, но поверхностной («*eccentrico romanziere*»). Докладчица сделала обзор итальянских переводов (две волны) произведений Набокова: в американский период его творчества переводы создавались в кратчайшие сроки, но без внимания к стилистическим принципам автора; русские же романы, за исключением «*Il Dono*» Серены Витале, существуют в перепеводах с английского и едва ли сохранили дух русских оригиналов. Докладчица представила некоторые типы переводческих провалов и удач на примерах итальянских версий романов «Дар» и «Лолита».

Конференция завершилась круглым столом с участием отечественных и зарубежных ученых, в рамках которого были подведены некоторые итоги и определены дальнейшие перспективы работы над трансатлантической проблематикой.

Андрей Аствацатуров, Лариса Муравьева

Общее место: от ораторского аргумента до интернет-мемов и хештегов

Международная научная конференция

«Общее место: риторика, политика, культурная память»

(РАНХиГС, МВИШСЭН, 30 сентября — 2 октября 2021 года)

DOI: 10.53953/08696365_2022_175_3_408

Общее место используют либо глупцы, либо великие.

Г. Флобер

«Параллельно большому миру, в котором живут большие люди и большие вещи, существует маленький мир с маленькими людьми и маленькими вещами. В большом мире изобретен дизель-мотор, написаны “Мертвые души”, построена Днепро-Днепровская гидроэлектростанция и совершен перелет вокруг света. В маленьком мире изоб-